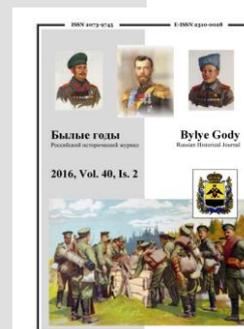

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 40, Is. 2, pp. 398-411, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

D.A. Milyutin and Cossacks Alexey A. Volvenko ^{a, *}

^a Taganrog Institute Named after A.P. Chekhov (Branch of the Rostov State University of Economics (RINH)), Taganrog, Russian Federation

Abstract

In article various aspects of the personal relation of the Minister of War D. A. Milyutin to the Cossacks and the Cossack troops in the 1840-1870th years are studied. Research is based on the analysis of documents of a personal origin of D.A. Milyutin, and also contemporary records of the period from the Caucasian war before "Great reforms" of the 60-70th of the 19th century inclusive. Milyutin's role in work on criticism, and also preparation of various projects of colonization of the Caucasus for the account is considered or with active participation of the Cossacks. The characteristic of plans of the Ministry of Defence for transformation of the Cossack troops in the 60-70th of the 19th century is given. Process of their realization from the point of view of their perception personally by the minister D.A. Milyutin is shown.

Keywords: D. A. Milyutin, Cossacks, Cossack troops, memoirs, reforms.

1. Введение

Д.А. Милютин (1816–1912) – военный министр эпохи «освобождения» Александра II – оставил заметный след в истории России. Без упоминания о его вкладе в дело преобразования русской армии после неудачной Крымской войны 1853–1856 гг. не обходится ни одно исследование по военной истории XIX века. Занимая должность министра с 1861 по 1881 г., он изменил практически каждый механизм в громоздкой армейской машине, доставшейся ему от николаевского времени. Значительным реформам, заслуженно называемых «милютинскими», подверглось и российское казачество. Вопросы формирования правительственной политики, ее акценты и этапы проведения в казачьих войсках в 1860–1870-х гг. по-разному отражены в историографии. Однако тема личного отношения Д.А. Милютина к казачеству и казачьим преобразованиям в научной и публицистической литературе остается почти не тронутой. Тем не менее, милютинское отношение как в целом к казачеству, так и отдельным войскам, на наш взгляд, многое значило в планировании и корректировке тех или иных крупных казачьих реформ, в продвижении того или иного проекта через бюрократические процедуры и в его лоббировании на пути превращения в закон.

2. Материалы и методы

2.1. Очевидно, что главным источником для наших рассуждений должно стать опубликованное мемуарное наследие Милютина, представляющие собой многие тома воспоминаний и дневников. Известно, как тщательно и ответственно он подошел к написанию мемуаров уже находясь в отставке, опираясь не только на свою замечательную память, но и на личный архив, содержащий огромное количество делопроизводственных, эпистолярных и пр. документов. По выпущенным в 1990-х – начале 2000-х гг. 7-томным воспоминаниям Милютина, охватывающим период с 1816 по 1873 гг. и изданным еще П.А. Зайончковским «Дневникам» министра за 1873–1882 гг. вполне можно получить некоторое представление об отношении Милютина к казачеству особенно в период его пребывания в должности министра, в том числе, благодаря научным комментариям и указателям к каждому тому.

* Corresponding author

E-mail addresses: avolvenko@mail.ru (A.A. Volvenko)

2.2. Наше внимание также будет уделено неопубликованным архивным документам, официальной и неофициальной переписке, которые или полностью вышли из под пера Милютина или имеют на своих страницах его характерные пометки и самым непосредственным образом относятся к истории казачества. Данные документы были нами обнаружены в Российском государственном военно-историческом архиве и в личном фонде Д.А. Милютина в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Большинство из них датируются периодом 1860 – начала 1870-х гг., когда проводились наиболее масштабные преобразования среди казачества. Безусловно, не каждая милютинская пометка карандашом дает повод для того, чтобы сделать тот или иной вывод. Используя источниковедческие методы, мы выбирали и атрибутировали, по нашему мнению, только наиболее значимые из них, помещая отдельные милютинские слова и предложения в более широкий контекст содержания документа или упомянутого в нем события. Также мы вполне осознаем, что применение такой техники отразится на нашем описании заявленной темы исследования, т.к. часть полученных наблюдений и выводов могут носить излишне умозрительный характер.

3. Обсуждение

На сегодняшний день накоплена обширная литература о Милютине, в ней отражена широкая палитра мнений о личности и деятельности военного министра. Однако даже краткий обзор такой литературы не входит в нашу задачу. Тем не менее, мы вряд ли обойдемся без оценки личных качеств Милютина и его политических предпочтений. Она должна помочь в отдельных случаях лучше понять принятые им решения в отношении казачьих войск, его оценки роли и значения казачества и т.п. В историографии в основном доминируют положительные характеристики Милютина, в нем обычно видят «скромность», «душевное богатство», «мужское благородство», «личную храбрость», «идеальную честность», «научные и литературные таланты», «практический взгляд не только на одни военные предметы», «административные способности», «необыкновенное трудолюбие» и пр., а также его относят к числу искренних приверженцев «либеральных ценностей». Такие свойства личности министра позволили его подчиненному генерал-лейтенанту В.Д. Кренке, начальнику Санкт-Петербургского окружного интендантства заявить: «оставляя в стороне недостатки этой личности должен желать, чтобы в России было поболее Милютиных» (Кренке, 1872: 137). К этому следует добавить еще одно наблюдение современников о Милютине как о последовательном и стойком противнике сословных привилегий, для которого государственные интересы всегда стояли выше всех остальных. Также министр являлся убежденным сторонником проведения реформы сверху, которая, по его словам, «должна быть общая для всей империи; всякое исключительное применение к той или другой местности вредит единству государства, возрождает сепаратизм и соперничество» (Дневник, 1947: 31-32). Мы разделяем положительные оценки личности Милютина и наши симпатии находятся на его стороне, но нельзя не отметить и другие стороны его характера и деятельности. Тот же В.Д. Кренке, пишет, что Д.А. Милютин «бумагу нередко ставил выше дела, ...в военном ведомстве за его управление развелась бюрократия, которая преобладала иногда над самим делом» (Кренке, 1872: 137). Бывший начальник Милютина по Кавказской армии и будущий непримиримый оппонент его реформ кн. А.И. Барятинский в письме к Александру II (1860 г.) сообщает: «...он (Д.А. Милютин – В.А.) разделяет почти общий недостаток всех русских – ненавидит все, что не Великорусского происхождения, к тому же он со страстью предается своим симпатиям и антипатиям...» (Воспоминания, 1997: 13). Известный писатель, журналист, «главный цензор России» 1880–1890-х гг. Е.М. Феоктистов, входивший в ближний круг коллег и друзей семьи Милютиных (в том числе и брата Николая Милютина) подтверждал «нетерпимость» министра: «Дмитрий Алексеевич не выносил возражений; если возражения эти касались чего-нибудь, что он принимал особенно близко к сердцу, то проникался даже, можно сказать, ненавистью к человеку, который до тех пор пользовался его расположением» (Феоктистов, 1991: 308). По мнению Феоктистова «в натуре Милютина не было ничего задушевного, от приветливости его веяло холодом». А просчеты «кадровой политики» министра Феоктистов объяснял «непомерным властолюбием» Милютина: «...Ему нужны были такие сотрудники, которые вполне подчинялись ему, которых он мог поработить. Он не в состоянии был оценить талант, да и зачем таланты, когда требовалось только точное исполнение его воли?» (Феоктистов, 1991: 312). Верна ли такая оценка Феоктистова, например, по отношению к руководителям и наиболее известным офицерам Управления иррегулярных войск (с 1867 г. Главное управление, с 1879 г. Главное управление казачьих войск), в недрах которого формировалась правительственная «казачья» политика это вопрос, ответ на который вряд ли будет однозначным. Ибо все же трудно записать в число людей неталантливых и серых начальников управления «милютинского призыва» Н.И. Карлгофа (1861–1871) и А.П. Богуславского (1871–1882), а также подчиненных им офицеров из «природных» казаков А.П. Чеботарева, И.Д. Попко, Н.И. Краснова и др., оставивших заметный след в истории казачества.

4. Результаты

Непосредственное знакомство Милютина с казаками произошло, надо полагать, во время первой его поездки на Кавказ и пребывания там с небольшим перерывом в конце 1830-х – начале 1840-х гг. В своих воспоминаниях он описывает длительный путь из Санкт-Петербурга до Ставрополя,

во время которого ему пришлось совершить «небезопасную переправу через Дон» и переночевать в «казачьей хате» Старо-Махинской станицы Земли войска Донского (Воспоминания, 1919: 174). Проезжая уже по Кавказу Милютин, с его же слов, интересовало все встречавшееся в дороге, в том числе казачьи станицы и «сами казаки линейные, необыкновенно ловкие, развязные, смышленные, красивой наружности, всегда в щегольском наряде с оружием, тщательно оберегаемом». Он задавался вопросом: «Как могло поддерживаться то хозяйственное довольство, которое замечалось в каждой казачьей хате. Откуда брались материальные средства, необходимые для боевого снаряжения казака в таком блестящем виде? При той тягостной, почти непрерывной службе, которая в то время лежала на линейных казаках... многое в экономическом существовании этого населения представлялось мне загадочным...» (Воспоминания, 1919: 177). В дальнейшем в милютинских воспоминаниях кавказского периода казаки неизменно окружали будущего министра, как в быту, так и в сражениях.

В конце 1839 г. Милютину пришлось более подробно «изучить экономическое и гражданское положение, как Линейного казачьего войска, так и остального населения области» (Воспоминания, 1919: 260). Это было связано с исполнением поручения его непосредственного начальника, командующего правым флангом Кавказской линии генерал-адъютанта П.Х. Граббе. Милютин должен был подготовить от имени Граббе ответ на проект генерал-майора Холанского – председателя комитета по составлению положения Кавказского линейного казачьего войска. Главная идея проекта Холанского заключалась в предложении причислить «всех казенных крестьян, мещан, грузин, католиков, осетин, татар Кавказского края к казакам и сравнить в правах и обязанностях, исключив из этого только армян, имеющих право пользоваться привилегиями, дарованными им в 1799 году» (ОР РГБ, 1840: 5). Как утверждает Милютин, он провел «довольно обширное исследование вопроса» и конкретными «цифрами» доказал несостоятельность проекта Холанского (в итоге, он не был одобрен), т.к. «сама мысль об этом слиянии не может соответствовать видам высшего правительства относительно будущности всего Кавказского края» (Воспоминания, 1919: 260) Для нас же записка Милютин важна тем, что в ней он отразил свое отношение к функциональным качествам казачества. Милютин конца 1830-х г. писал: «Всем известны невыгоды всякого вооруженного населения. Везде, где подобные учреждения существовали, они были вынуждены крайней необходимостью и терпелись как зло, но зло неизбежное, отвращающее, может быть, гораздо большее зло. Однако ж всякое правительство старается, по мере возможности, уменьшить этот разряд населения и там, где исчезнет цель, с которою оно было некогда учреждено, должно всеми силами стараться подводить его под общие государственные установления. Так, например, донские казаки, некогда составляющее касту, исключительно воинственную, теперь организованы на таких основаниях, что, по возможности, более подходят к общей массе народа, сохранив, можно сказать, только в формах прежнее свое воинственное учреждение... Не нужно доказывать, что всякие иррегулярные поселенные войска тогда только хороши, полезны для государства и страшны для неприятеля, пока они находятся вблизи от сего последнего; они образуются опытностью и без войны не могут быть никакими средствами поддерживаемы, как войска регулярный. Не говоря уже о донских казаках, которые теперь живут, можно сказать, внутри Империи, нельзя не заметить даже и в линейных казаках разницы в воинственности между станицами, поселенными на самой линии, и внутренними, отдаленными от линии» (ОР РГБ, 1840: 24-24об.).

В основе милютинского изображения казачества в воспоминаниях кавказского периода, очевидно, лежит сочетание впечатлений молодости и приобретенного жизненного опыта. Так, Милютин достаточно подробно описал как природная специфика Кавказа и набеги горцев снижают эффективность применения регулярных войск. И только казачество, по его мнению, представляет «такому врагу (горцам – А.В.) единственный способ противодействия». Продемонстрировав краткое знание истории появления казачества на Кавказе и особенностей формирования двух войск – Кавказского линейного и Черноморского, – а также колорита обустройства казачьего быта непосредственно на границе с горскими племенами, Милютин заключает, что такая жизнь стала «превосходной школой для воспитания Кавказского казачества». Именно она дала «особый тип Кавказского линейного казака – замечательно смышленного, ловкого, беззаветно отважного, удалого наездника. Всегда готовый к кровавой схватке с врагом, линейный казак старается не уступать в удалстве и отваге горскому джигиту, и замечательно, что вместе с тем берет его в образец себе, по крайней мере, во внешнем виде, в покрое одежды, снаряжении, оружьи, даже в некоторых мелочах домашней обстановки. Не то в Черноморском казачьем войске: потомки знаменитых запорожцев приспособились по своему к требованиям службы на линии, оставшись теми же истыми хохлами, каким были их предки на Днепре». Но даже линейный казак (который еще и земледелец), по наблюдению Милютин, не может сравниться с горцем в «индивидуальном боевом состязании» (Воспоминания, 1919: 292-294).

В мемуарной милютинской иерархии казачьих войск, действующих на Кавказе (Донское, Черноморское и Линейное), донские казаки явно были аутсайдерами. Хотя Милютин и не высказывал совсем уж острой критики в их адрес, но она подразумевалась. И дело здесь заключалось не только в субъективной оценке и возможной предвзятости будущего министра. Он только подтверждал мнение многих регулярных офицеров, особенно «кавказцев», распространенное в 1830–1850-х гг. Из-за постепенного размывания справедливо заслуженной в Отечественной войне 1812 г.

славы донских полков, и, в общем-то, далеко не главной роли донских казаков на Кавказе, их боевой образ заметно тускнел. Это признавали и некоторые донские офицеры, правда, обязательно указывая среди причин данного явления неправильное использование донских полков и даже происки конкурентов в лице кавказских казачьих войск (Краснов, 1861: 145, 147). Для иллюстрации такого мнения мы выбрали отрывок из воспоминаний близкого сослуживца Милютина опытного «кавказца» Г.И. Филиппсона. С 1855 по 1860 гг. он занимал должность наказного атамана Черноморского казачьего войска, в то же время, имея самое непосредственное представление о быте донских казаков благодаря многолетнему личному обустройству имения своей жены в Земле войска Донского. По мнению Филиппсона: «Эта повинность (служба на Кавказе – А.В.) была тягостна для войска (Донского – А.В.) и мало полезна для Кавказа. Полки прибывали в край новый, должны были участвовать в военных действиях, где массы почти не бывают в деле, а для одиночных действий у казаков нет сноровки и опытности. Долгий мир сделал то, что уровень воинственности донцов понизился; старых казаков мало, а офицеров опытных еще менее. К этому нужно прибавить, что большая часть полковых командиров назначалась из гражданских частей, и брались полки только в чаянье негласных выгод. Срок службы полка на Кавказе – 4 года, из которых, в первом, а иногда и во втором году, казаки умеют только безропотно переносить все невзгоды, болеть и умирать; а только что в остальные два года приспособляться к этому новому роду войны и жизни, является с Дону другой полк на смену. Нужно, впрочем, сказать, что многое зависит от умения главного местного начальника ввести казаков в боевую колею; но вообще несомненно, что донские казаки более полезны в европейской войне, чем на Кавказе. Здесь, поневоле, как мы, так и горцы, сравнивали их с линейцами, и это сравнение было не в пользу донцов» (Осада Кавказа, 2000: 189).

Тем не менее, донские казаки, видимо, из-за своей многочисленности, неизменно присутствовали в различных проектах по покорению и колонизации Кавказа. В подготовке одного из таких проектов прямое участие принял Милютин. Как начальник штаба Кавказской армии (1856–1860) он, исполняя приказ своего главнокомандующего будущего генерал-фельдмаршала А.И. Барятинского, написал записку «О средствах к развитию Русского казачьего населения на Кавказе и переселению с Кавказа части туземных племен» (1857). Поводом к ее составлению послужило высочайшее повеление Александра II о необходимости соблюдения военными властями соразмерности наряда на службу с «наличию численностью полков Кавказских казачьих войск и общего увеличения казачьего населения» (Берже, 1904: 757). По крайней мере, так говорилось в преамбуле записки. В историографии авторство идей, изложенных в записке, безоговорочно относят к А.И. Барятинскому. Да и сам Милютин подтверждал это. Мало того, в своих воспоминаниях он писал «о личном не сочувствии» к главному предложению записки - о переселении донских казаков на Кавказ, а горцев на Дон, т.к. «находил его даже весьма рискованным, ...не считая себя вправе в чем-либо отступить от солидарности с начальником своим» (Воспоминания, 2004: 156). Однако, очевидно, что вряд ли роль Милютина заключалась только в механической фиксации слов Барятинского. Участие Милютина, на наш взгляд, проявилось в обыгрывании и детализации основных идей главнокомандующего. Следовательно, в таких подробностях можно увидеть, в том числе, и милютинское отношение к казачеству. Выделим основные положения записки. Собственно констатация того факта, что ни существующая «нормальная численность полков Кавказского линейного казачьего войска», ни количество земли, которой располагают казаки «как на Левом, но даже и на Правом Крыле» армии не позволяют выполнить высочайшее пожелание, приводит автора(ов) записки к центральному предложению об увеличении русского населения и его земельных наделов за счет горских владений. Причем, предваряет это предложение рассуждения о специфике казачьего землевладения и землепользования. Например, ставится вопрос о рассмотрении «ближе и беспристрастно, необходимо ли для обеспечения благосостояния казаков все то количество земли, которое по закону им полагается?». Отвечая на него автор(ы) констатирует, что «усиленное наделение казаков землею едва ли приносит существенную выгоду их хозяйственному быту, ибо при тяжелой службе, лежащей на казаках, причиною их бедности скорее можно считать недостаток в рабочих руках, чем в земле». Также в записке говорится о том, что «правительство не может принять на себя обязанность поддерживать и на будущее время всегда одинаковую соразмерность количества земли с народонаселением», поэтому необходимо «дать полный простор развитию казачьего населения, не стесняя его никакими преградами и не обращая внимания на неизбежное сокращение соразмерности в поземельном довольствии» (Берже, 1904: 758). В этом пассаже, да и из всего текста записки, не совсем понятно смысловое содержание словосочетания «не стесняя никакими преградами». Имея некоторое представление о том, как дальше будет развиваться политика в казачьем вопросе, мы рискуем предположить, что здесь имелось в виду скорее снятие сословных преград, т.е. традиционных казачьих прав и привилегий, расцениваемых как пережитки прошлого.

Далее, в записке рассматриваются категории населения, которые могут стать потенциальными колонистами Кавказа. Среди них донские казаки называются главными претендентами на переселение как находящиеся в более выгодных условиях по сравнению с Кавказскими казаками. В записке отмечается, что Донское войско «по положению своему в домашнем быту ничем не отличается от спокойных внутренних губерний России. Возвратясь со службы, Донской казак делается мирным поселянином, не слышит о неприятеле и свободно предается заботам

хозяйственным... Окруженные хлебодородными губерниями и владея богатым краем, в котором имеются все выгодные условия для успешного развития многих отраслей промышленности.. и пр. донские казаки пользуются таким благосостоянием, которого казацкие войска Кавказского Корпуса не могут достигнуть...» (Берже, 1904: 759). Конечно, не только донские казаки, но и черноморцы, линейцы, особенно азовские казаки, вообще планируемые к переселению полным составом, обязаны были стать «ударной» силой в колонизации Кавказа. Для автора(ов) записки это почти аксиома, т.к. главное назначение казачьих войск им виделось «в выполнении военных целей, которым они должны способствовать не только боевою службою, но и всем своим бытом». Напомним, что еще одним важным предложением записки был перевод горского населения с мест его проживания на свободные или освобождающиеся донские земли, и «в этом простом обмене заключается ключ к разрешению трудной задачи завоевания Кавказа и таким образом верному Донскому войску достанется честь новой великой услуги государству» (Берже, 1904: 760). Здесь, следует сказать, что идеи Бяратинского/Милютина не являлись эксклюзивными или абсолютно новыми. О разных проектах переселения на Кавказ I пол. XIX в., в том числе «обменного характера», довольно пространно писал еще П.П. Короленко (Короленко, 1911: 292-302). Но ни один из этих проектов не был доведен до конца, как правило они «застревали» на стадии обсуждения.

Милютин в начале осени 1857 г. был командирован в Санкт-Петербург для продвижения записки в «верхах». По дороге в столицу он заезжал в Новочеркасск и по просьбе Бяратинского беседовал с войсковым наказным атаманом (далее – в.н.а.) М.Г. Хомутовым, убеждая его разделить идеи своего начальника (Зиссерман, 1890: 139). Александр II в целом одобрил записку, причем одновременно с планом реформирования Кавказских казачьих войск (Зиссерман, 1890: 142). Согласно плану предполагалось 2 полка (Кубанский и Хоперский) или 6 бригад Кавказского линейного войска перевести в состав Черноморского войска, переименовав его в Кубанское казачье войско, а из оставшихся линейцев (4 бригады) образовать Терское казачье войско.

Милютинская записка была всесторонне рассмотрена весной 1858 г. в специально созданном для этого комитете при Военном министерстве. Итоговое заключение комитета оказалось отрицательным, в том числе из-за позиции М.Г. Хомутова, не давшего согласия на массовое переселение донских казаков (Берже, 1904: 767-775). Видимо новочеркасская беседа Милютина с атаманом никак не повлияла на мнение последнего, или первый не слишком старался быть убедительным. Правда, в одном из писем к Бяратинскому Милютин, характеризуя хомутовские взгляды на казачью колонизацию, написал, что «так может рассуждать только казак, а не государственный человек» (Зиссерман, 1890: 349).

Что же касается реформирования Кавказских казачьих войск, то этому процессу был дан старт, который в итоге привел к образованию Кубанского и Терского казачьих войск (1860). В воспоминаниях Милютина говорится об определенных сложностях в этом деле: «главным камнем преткновения было слияние двух, столь разнообразных элементов, каковы казаки линейные и казаки черноморские: это были почти как два разные народа, не похожие между собою и в смысле этнографическом, и в организации военной и, что всего важнее – в духе и нравах. Черноморцы всегда отличались хохлацким упорством и консерватизмом, им претила всякая перемена в их своеобразном быту» (Воспоминания, 2004: 288). В своем мнении Милютин был не одинок, поэтому для современников и исследователей в образовании двух «новых» казачьих войск помимо понятных причин административного и военного характера был также очевиден и своеобразный «национальный» или «политический» подтекст этого решения.

Несмотря на провал записки Милютина, Бяратинский не отказался от идеи расширения русской колонизации Кавказа. Имея поддержку Александра II, он планировал и дальше постепенно продвигать казачьи станицы в предгорные районы Западной части Кавказского хребта, но уже за счет Кубанского казачьего войска. Милютин, с сентября 1860 г. вступивший в должность товарища (заместителя) военного министра Н.О. Сухозанета, также не оставлял вниманием дело колонизации. В начале 1861 г. казаки Хоперского полка и Ейского округа отказались участвовать в колонизации закубанских земель, сославшись на «разорительные» условия переселения (Барилко, 1912: 5-32). Была даже составлена специальная петиция по этому поводу на имя начальника Кубанской области Н.И. Евдокимова. Петицию подписали казачьи офицеры в основном бывшие «черноморцы», в ней выдвигались новые требования по организации переселения, включающее восстановление прежнего названия войска. В милютинской интерпретации: «Дерзкое это заявление очевидно показывало, что в Черномории сопротивление переселению возбуждено было не простыми казаками, а «панам», которые, захватив лучшие угодья, обогащались на счет простых станичников, держали их в нищете, под своим владычеством, и между тем возбуждали в них неудовольствие против правительства и ненависть против «москалей». К общему удивлению, протест черноморцев испугал графа Евдокимова, который, после высказанной им настойчивости и непреклонности в отношении хоперцев, вдруг поколебался и уступил» (Воспоминания, 1999: 127). Ситуация с казачьим неудовольствием политикой переселения находилась под постоянным контролем Милютина, ее он обсуждал в переписке с Бяратинским, пытаясь найти выход из положения. С подачи Милютина были арестованы представители казаков 1-Хоперского полка, которые явились в Санкт-Петербург с прошением на имя Александра II. После ареста их препроводили в Ставрополь к Евдокимову для

судебного разбирательства. Уже будучи с ноября 1861 г. военным министром Милютин продолжил деятельно участвовать не только в поиске и наказании виновных, но и в возобновлении казачьей колонизации бывших горских владений. При этом Милютина вряд ли расстраивала трагедия горского населения, подверженного насильственному переселению, интересы казачества явно находились у него в приоритете. Когда на заседании комитета министров в июле 1861 г. был поднят вопрос о помещении горцев, возвращающихся из Османской империи, в пределах войска Донского, Милютин заявил, что это «представляется совершенно невозможным, не столько по недостатку свободных земель, сколько потому, что водворение переселенцев... считается местными жителями нарушением их прав» (Берже, 1904: 75).

Вступив в должность министра Милютин, говоря современным языком, подобрал себе «команду», которая незамедлительно приступила под его непосредственным руководством к формированию перспективной программы действий министерства. Вместо прежнего начальника Управления иррегулярных войск (далее – УИВ) А.И. Веригина, не заслужившего положительной характеристики от нового министра, был назначен ближайший сотрудник Милютина по Кавказской армии Н.И. Карлгоф. Помощник начальника УИВ донской казачий генерал А.П. Чеботарев как самый опытный чиновник сохранил свое место, которое занимал с 1856 года. Эти два офицера на все десятилетие 60-х гг. XIX в. станут главными проводниками «милютинской» казачьей политики. В воспоминаниях Милютина каждый год его министерства отмечается особым разделом, в котором фиксируются результаты деятельности по всем управлениям, включая иррегулярное. Содержание таких разделов в основном повторяет ежегодные отчеты по Военному министерству, удостоивавшихся утверждения императором. Однако в своих мемуарах он выделял только самые важные, как он считал, пункты отчетов. Вспоминая о первоначальных планах в качестве министра, Милютин, по сути, воспроизводит основные положения широко известного в историографии его же Высочайшего доклада от 15 января 1862 года, в котором излагалась концепция будущих преобразований в армии.

Так, в отношении иррегулярных войск он хотя и отмечает их важность на случай «большой войны», но в то же время ставит задачу «уменьшения наряда казачьих частей на службу в мирное время до узаконенной нормальной соразмерности (т.е. трети всего состава)». Сокращение наряда казаков Милютин напрямую связывает с финансовой стороной вопроса. По данным министра содержание казачьих частей в мирное время обходилось государству «не дешево – до 9 1/2 миллионов рублей». Следующую задачу он видит в совершенствовании строевого образования и вооружения казаков, особенно Донского и Оренбургского войска. Продолжая тему экономических издержек существования казачьих войск и эффективного использования земель ими занимаемых, Милютин допускает следующее, на наш взгляд, знаковое выражение: «В какой степени боевая сила, доставляемая 3-х миллионным казачьим населением, вознаграждает те потери, которые государство несет в экономическом отношении – это такой вопрос, для решения которого требовались бы весьма сложные исследования; касаться его здесь было бы неуместным. Военное министерство, на которое возложено не одно лишь заведование казаками как частию военных сил государства, но также и управление всем населением известных областей, – должно считать своею задачей вести дело так, чтобы согласовать, сколько возможно, противоположные интересы военные и гражданские, то есть заботиться о наибольшем развитии и устройстве казачьего войска в боевом отношении, насколько эта цель совместима с гражданским благосостоянием и преуспеянием народа. Министерство не должно забывать, что казачьи территории – не военные лагеря, но части государства, имеющие полное право пользоваться благами гражданского и экономического развития, наравне с другими частями Империи». После этих слов Милютиным ставится последняя задача в отношении казачьих войск – «применить по возможности к казачьим областям предпринимаемые общие государственные реформы; устранить все те устаревшие особенности казачьего быта, которые, не принося пользы в военном отношении, только задерживали гражданское преуспеяние и способствовали отчуждению казачьего населения» (Воспоминания, 1999: 262-263).

Довольно трудно определить, сколько в разделе доклада об иррегулярных войсках содержится собственно милютинских мыслей. Однако, исходя из очевидного факта его полного одобрения министром, мы можем утверждать, что упомянутый раздел представляет собой своеобразную квинтэссенцию милютинского личного, особенно кавказского, опыта в отношении казачества в совокупности с его «политическими» убеждениями и актуальными предложениями чиновников УИВ. Например, в постановке вопроса (и, вероятно, впервые на таком уровне) об экономической составляющей жизнедеятельности казачьих войск, а также в заявлениях о необходимости совершенствования строевого образования и вооружения казаков, как нам кажется, явно прослеживается «рука» Милютина. Что касается проблемы сокращения наряда на службу казаков, то с ней, как мы уже отмечали, Милютин впервые столкнулся еще на Кавказе. Именно попытки ее решения способствовали появлению записки Милютина и подстегнули колонизацию Кавказских земель. Казачье недовольство переселением вынудило власти пойти на уступки. В процессе разработки новых мер по организации продвижения казачества вглубь Кавказа Барятинский весной 1861 г. предложил удовлетворить просьбы переселяющихся казаков о продаже своих земель, в том числе иногородним, а также предоставить «закубанским станицам исключительную льготу - наделить их участками земли не в общинное, а в частное владение каждого казачьего семейства». Барятинский

посчитал, что такая разрешительная мера «потребуется изменения некоторых постановлений общих по всем казачьим войскам», т.к. «замкнутость казачьего сословия» и сложившийся порядок землепользования «...отнимают у казака естественное стремление к улучшению своего быта..., мешают гражданскому развитию края; ...составляют резкую аномалию между другими сословиями», «развивают дух отдельности в государстве» (ГАСК, 1862: 30). Напомним, что Милютин лично участвовал в подготовке материалов для высочайшего рескрипта Александра II от 24 июня 1861 г. о привилегиях переселяющимся казакам, а уже в должности министра занимался доработкой известного «Положения о заселении казачьими станицами предгорных и горных пространств Западного Кавказа и о правах, пособиях и льготах, даруемых переселенцам» от 10 мая 1862 года. Вспоминая об этом, Милютин назвал «приманкой» предоставляемые казакам «исключительные права по поземельному владению», которые на самом деле противоречили «основным началам казачества» (Воспоминания, 1999: 264).

Важнейшие положения милютинского доклада об иррегулярных войсках были развиты подробно в «Соображениях... о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках». Данный документ являлся результатом деятельности особого комитета при УИВ, открытого с ноября 1861 г. среди прочих других комитетов, занимавшихся более детальной проработкой преобразовательных идей, придуманных или разделяемых Милютиным. В совсем кратком изложении центральные пункты «Соображений...» выглядят следующим образом: необходимо допустить утверждение частной собственности на землю на казачьих территориях, право свободного выхода из казачьего сословия, необязательность военной службы, отменить ограничения для иногородних в отношении собственности и передвижения в казачьих краях (ОР РГБ, 1866). Т.е. довольно радикально пересматривались три принципа существования казачества, ранее незыблемых и почти священных, а именно: обязательная служба, замкнутость войска и войсковая собственность на землю.

В середине 1862 г. «Соображения...» были разосланы в местные казачьи комитеты по пересмотру войсковых положений для руководства в текущей работе. Военное министерство надеялось, что в проектах новых положений они будут учтены в максимальном объеме. Однако на Дону обсуждение «Соображений...» перешло в публичную плоскость, раскололо не только общество, но и представителей администрации на сторонников и противников реформ. В воспоминаниях за 1862 г. Милютин достаточно подробно описывает свое противостояние с начальником штаба войска Донского кн. А.М. Дондуковым-Корсаковым. Милютин был убежден, что князь не только «образовал около себя партию, которая, под видом охранения старинных казачьих привилегий и обычаев, оказывала сопротивление всем предпринимаемым Военным министерством нововведениям», но и «возбуждал между казаками превратные толки о воображаемых намерениях правительства вести к уничтожению казачества» (Воспоминания, 1999: 378-379). Милютин в целях успокоения донского казачества добился удаления Дондукова-Корсакова с должности и из пределов войска, отметив в воспоминаниях, что «новые либеральные веяния... там (на Дону – А.В.) были мало опасны: они глохли в инертной среде старого казачества, более заботившегося о сохранении своих обветшалых порядков, чем о каких-нибудь незнакомых новшествах» (Воспоминания, 1999: 379). Однако, как мы показали в своей статье «Казакоманство. Донской случай. 1860-е гг.», ситуация с «возбуждением» казачества была гораздо серьезнее. Для того чтобы вернуть казачью лояльность, необходимую на фоне полыхающего польского восстания, властям пришлось усилить цензуру в местной газете и воспользоваться приездом наследника престола на Дон в августе 1863 г. с целью даровать тогда же Высочайшую грамоту, подтверждающую Донскому войску «все права и преимущества..., нерушимость настоящего образа его служения..., неприкосновенность всех выгод, угодий и окружности владений его» (Волвенко, 2015).

Однако для Милютина этот кризис не стал поводом для пересмотра своей позиции по отношению к реформированию казачества. Возможно, она стала еще крепче из-за отрицательных результатов осмотра нескольких казачьих полков в сер. 1863 г. прошедших через Санкт-Петербург в Северо-Западный край. «Надобно сознаться, – вспоминал Милютин – (полки – А.В.) произвели впечатление не совсем выгодное: жалкие лошаденки, люди почти не обучены, плохо одеты. Смотры эти выказали наглядно упадок строевого состояния донских и оренбургских казаков. В особенности прискорбно было видеть плохое их вооружение» (Воспоминания, 2003: 376). И хотя польские события, по понятным причинам, занимали главное внимание Милютина в 1863–1864 гг., они не повлияли на решимость и последовательность проводимых Военным министерством одновременно с подавлением восстания мероприятий в казачьих войсках. Среди них большое значение имели сокращение сроков казачьей службы: полевой – до 15 лет, внутренней – до 7 лет (сначала для Донского войска), а также демилитаризация башкирского войска и фактическое упразднение Азовского казачьего войска (окончательно в 1865 г.).

К 1865 г. после анализа итогов деятельности местных казачьих комитетов по пересмотру войсковых положений в УИВ стало понятно, что комитеты не справились с поставленной перед ними задачей. Самой жесткой критике со стороны Милютина подвергся донской проект положения, в котором оказались «высказаны крайне консервативные стремления». По мнению министра: «Новочеркасский комитет представил проект, проникнутый духом замкнутости, обособленности,

старинных привилегий казачества, без всякого внимания к новым преобразованиям в государстве. Такой проект очевидно показал, что вести столь важное дело на местах в среде самого казачества было невозможно без общего руководства центральной власти» (*Воспоминания, 2005: 184-185*). В связи с этим в октябре 1865 г. в Санкт-Петербурге при УИВ был открыт Временный комитет по пересмотру казачьих законоположений. Таким образом, разработка казачьих реформ переместилась в центр при одновременном отказе от составления какого-то одного универсального положения для каждого казачьего войска, как было ранее принято в имперской казачьей практике.

Критика Миллютиным донского проекта не была голословной. Он, действительно, внимательно читал наиболее важные материалы, поступавшие из местных казачьих комитетов, оставляя характерные заметки карандашом по тексту или на полях. В объяснительной записке к донскому проекту Миллютин подчеркнул наиболее спорные на его взгляд моменты. Например, в утверждении, что «вся земля, известная на карте России под названием земли Донских казаков, есть собственность казачьего сословия войска», он, как мы видим, выделил последние три слова (*РГВИА, 1864: 11*). В следующем пассаже: «казаки пользуются несравненно высшим материальным благосостоянием, а в умственном развитии... ушли далеко вперед от сельских сословий, может быть не одной России», – он не просто выделил слова, но и написал на полях «будто» (*РГВИА, 1864: 23*). Эти, казалось бы, мелкие и незначительные придирики станут более понятными и важными на фоне отрицательных заключений на проект, поступивших от других ведомств и с которыми Миллютин полностью солидаризировался. Среди них, пожалуй, самым «разгромным» и показательным для понимания смысла миллютинских упражнений с карандашом, было мнение министра внутренних дел П.А. Валуева, которое достойно обстоятельного цитирования: «...подтверждением доводов и желаний расширить право казачьего сословия внутри войска и укрепить замкнутость от единства с Империей служит то, что Комитет... относит к обязанностям поземельного отделения: «охранение неприкосновенности войсковых границ», ибо в противном случае, вместо слова «границ», следовало поставить слово «земель», чтобы устранить и самую мысль о неприкосновенности границ между составными частями всего государства. Конечно, настоящее обстоятельство, отдельно взятое, не подлежало бы, может быть, и суждению по мелочности заключающегося в нем предмета, но значение его в совокупности со всеми другими статьями проекта положения, клонящимися к обособлению страны, делается несомненным и не должно уже быть обойдено незамеченным. Наконец, увлечение к предвзятой идее о замкнутости является неразумным; в ст. 442 на основании коей все должности по учебным заведениям замещаются училищными чинами обоюбого пола, преимущественно из казачьего сословия. Тут не сделано даже никакой оговорки, следовательно, допускается прямое заключение о преимуществе менее способных, если только они принадлежат к казачьему сословию, над более способными, если последние, по происхождению из уроженцев Империи, не подходят к этому условию» (*РГВИА, 1863: 66-67*).

Проект сибирского казачьего комитета тоже был признан неудачным и архаичным. Так, в утверждении сибиряков о том, что «... главной заботой управления должно быть не развитие промышленности, а упрочение благосостояния в местном населении, не облегчение нескольким лицам возможности скопить в своих руках богатства, а равномерное распределение его в целом населении», Миллютин увидел «темный, безотчетный отголосок коммунизма», продолжив далее свою мысль словами: «не лучше употреблять усилия для развития промышленности, а надобно только отстранить препятствия в естественном его ходе» (*РГВИА, 1865: 90б.*) Что касается проекта положения о Забайкальском казачьем войске, то у нас сложилось впечатление, что Миллютин, уже согласовав решение об открытии Временного комитета по пересмотру казачьих законоположений в Санкт-Петербурге, не успевал его внимательно прочесть в срок. В одном из писем к Карлгофу в августе 1865 г. министр предлагал передать забайкальский проект «как полезный материал для центральной комиссии (так он первоначально называл комитет - А.В.)», ставя перед начальником УИВ вопрос: «Не пора ли пустить ее в ход?» (*РГВИА, 1865 (а): 5-6*).

Временный комитет по-настоящему набрал свой «ход» с ноября 1866 г. после выступления перед его депутатами Александра II и остановился уже только в 1872 году, официально закрывшись (*Столетие, 1902: 426*). Такой длительный срок работы комитета можно объяснить словами самого Миллютина, который искренне сокрушался, что «по каждому вопросу (комитету – А.В.) требовались сношения с подлежащими министерствами, рассмотрение во II С.Е.В. Канцелярии, в Главном военно-кодификационном комитете, затем в Военном совете, в Департаменте законов (иногда в соединении и с Департаментом экономии), наконец, в общем собрании Государственного совета», и на эти «согласования» уходили целые годы (*Воспоминания, 2006: 137*). Также Миллютин, как кажется специально, вспоминая о первых шагах деятельности комитета, затрагивает проблему «распущенных между казаками и в публике нелепых слухов о том, будто бы предпринятые министерством преобразования клонятся к упразднению казачества». И, опираясь на авторитет речи Александра II, он уверяет потенциального читателя, да и, наверное, себя тоже в том, что «казаки убедились, что нет и помина об уничтожении казачества» (*Воспоминания, 2005: 403*).

Миллютин внимательно следил за работой комитета. Сохранилась его служебная и частная переписка с Карлгофом, в которой обсуждаются конкретные детали наиболее значимых казачьих дел. Из писем и мемуарных заметок Миллютина отчетливо складывается впечатление, что часть решений

комитета давалось не без труда и упорных дискуссий. При этом Милютин отдает должное Карлгофу, которому, удалось «свести суждения на среднюю почву благоразумной умеренности, приняв одну руководящую мысль – отрешиться от прежней казачьей замкнутости и открыть простор развитию народного хозяйства, промышленности и торговли» (*Воспоминания, 2005: 403*). В одном из писем Карлгофа к министру содержится описание дискуссии, являющейся прекрасной иллюстрацией дебатов среди депутатов комитета и закончившейся, кстати, не в пользу Военного министерства. Однако сначала напомним, что первым и наиболее важным результатом работы комитета стало принятие 1 июля 1867 г. «Положения о военном составе оренбургского казачьего войска, сроках службы и о способах их комплектования». В нем была реализована идея, заложенная еще в «Соображениях» УИВ 1862 г., о выделении т.н. служилых и несслужилых казаков. На основании четко определенной нормы выставляемого от войска количества нижних чинов жребий должен был определить, кто попадал в состав служилых казаков, а кто переходил в разряд войсковых «граждан», навсегда освобожденных от службы, но сохранявших право на владение землей с уплатой 4 руб. в год в войсковой капитал (*ПСЗ, 1871: 1113-1118*). Именно вопрос о распространении оренбургского порядка организации казачьей службы (еще пока в виде проекта) на другие войска и был поставлен начальником УИВ в начале 1867 г. на обсуждение комитета. По результатам заседания, Карлгоф сообщил Милютину, что все депутаты от казачьих войск, за исключением Донских и Уральских, высказались за оренбургскую систему. Донские представители продолжали настаивать на своем служебном порядке, а если и допускали вариант освобождения от службы, то только с ежегодной компенсацией войску аж в 70 руб.(!). Уральцы же вообще отмалчивались, ибо, как пишет Карлгоф, если реализовать у них оренбургский проект, то «перевернется вверх дном весь (уральский – А.В.) общественный порядок». Карлгоф также рассчитывал «склонить комитет к уступкам» в вопросе «о вознаграждении государства за освобождение от воинской службы части казачьих поселений». Его надежды были связаны с тем, что «депутаты большей части войск сознают справедливость этого требования, но не соглашаются только на обложение освобождаемых от службы податями в пользу казны, как предполагается в проекте Оренбургского войска. Они находят возможным уменьшение отпуска из государственного казначейства субсидий некоторым войскам..., лишь бы не было нарушено одно из преимуществ их, составляющих предмет их тщеславия, что оно не принадлежит к податному сословию». Здесь, весьма показательна запись Милютина сделанная карандашом напротив последнего предложения: «Так я и думал» (*ОР РГБ, 1867: 16*). В итоге, в том числе из-за позиции заместителя Карлгофа донского генерала А.П. Чеботарева, оренбургское положение не было распространено на донское и уральское казачество. Сохранение же донского принципа поголовности казачьей службы закладывало основу для будущей интеграции донского порядка казачьей службы как универсального в систему всеобщей воинской повинности по Уставу 1874 года.

К 1870 г. были реализованы почти все крупные проекты, разработанные Временным комитетом. Милютин в отчете за этот год с удовлетворением отмечал, что «положения о казачьих войсках постепенно... все более приводились к единству, и почти незаметно казачьи населения, в своем гражданском и экономическом быту, сближались с другими частями империи» (*Воспоминания, 2006: 344*). Действительно, «сближение» происходило даже на символическом уровне. Нам уже доводилось писать об особой знаковости переименования станичного сбора в станичный сход в «Положении об общественном управлении в казачьих войсках», а также Земли войска Донского в Область войска Донского (далее – ОВД) приходящихся на юбилейный для Донского войска год – 1870-й, объявленный годом празднования его 300-летия (*Волвенко, 2014*). В последнем случае, напомним, Милютин лично инициировал изменение административного названия донской казачьей территории.

В начале лета 1871 г. Милютин впервые в качестве военного министра отправился в поездку по Югу России. В Новочеркасске и его окрестностях он находился 4 дня. За это время министр побывал во многих местах, от войскового госпиталя до грушевых шахт и закончил смотром 10-ти батарей донской казачьей артиллерии, с удовлетворением отметив, что «все движения и построения отличались обычною в казачьей артиллерии живостью и лихостью» (*Воспоминания, 2006: 396*). Милютин также «потешили зрелищем» учения т.н. казачьих малолетков: «Я был приятно удивлен, – вспоминает он, – увидев пред собой вместо ожидаемых неловких юношей, только что посаженных на коней, отличных наездников, которые не только проделали полковое учение, но почти все проскакали мимо меня с джигитовкой, не хуже знаменитых «линейных» казаков кубанских и терских. Вообще я вынес заключение, что принятые в последнее время меры для обучения молодых казаков принесли заметные плоды и поддержали в донских казаках воинственную выправку, привычку к коню и молодцеватость» (*Воспоминания, 2006: 397*). Донское дворянство, прощаясь с министром, дало торжественный обед в его честь. На обеде областной предводитель дворянства Иловыйский «с большим тактом намекнул на встреченное в первое время Военным министерством со стороны казаков недоверие к предпринятым преобразованиям в их гражданском быту и на постепенное затем уразумение донцами благотворных целей новых, дарованных им Положений, клонившихся к преуспеянию их совместно с общим отечеством – Россией». Милютин описывал этот эпизод с явным удовлетворением, особо отметив, что в ответных словах он сам «выразил искреннее и горячее сочувствие к интересам казачества» (*Воспоминания, 2006: 398*). Видимо, находясь под

впечатлением от донского приема и речей, Милютин в воспоминаниях за 1871 г. в разделе об иррегулярных войсках еще раз посчитал необходимым сказать о понимании казаков, что «реформы клонятся к улучшению их гражданского быта, а не к упразднению казачества», посчитав «искренними» слова Иловайского на обеде (Воспоминания, 2006: 454).

В августе 1872 г. Милютин повторно приехал в Новочеркасск теперь уже в свите Александра II и наследника престола. На этот раз в своих мемуарах он предпочел описать подробности монаршего пребывания в казачьем крае, минимизировав свое личное в нем участие. На единственное исключение министра побудило впечатление от расположения в доме «зажиточного казачьего штаб-офицера», которого он еще знал на Кавказе в должности командира полка. Милютин вспомнил о принятом на Дону до 1869 г. «очередном» порядке назначения в должность командира полка, из-за которого в нее вступали часто люди «не подготовленные..., даже не знакомые со строевою частью и притом люди корыстные, принимавшие полки с открытою целью нажиться» (Воспоминания, 2006: 505-506). Надо признать, что архивные материалы подтверждают правоту милютинских наблюдений. Главнокомандующий войсками Варшавского округа граф Ф.Ф. Берг в одном из «конфиденциальных» писем к донскому атаману А.Л. Потапову писал в 1867 г., что по причине «доносов (о злоупотреблениях – А.В.), начавшихся с самого выступления полков с Дона» он «вынужден был командировать некоторых доверенных лиц из регулярных войск для расследований на месте...» (РГВИА, 1866: 36). Конечно, здесь не следует забывать и о доблестных и честных донских полковых командирах XIX в., настоящих хозяев, заботящихся о своих подчиненных и об имуществе.

Повышенное внимание Милютина к специфическим военным вопросам развития казачества в последнем томе воспоминаний за 1868 – начало 1873 г. было обусловлено процессом подготовки главной милютинской реформы – «всеобщей воинской повинности». Донское казачество в лице войсковой администрации получило свободу выбора в определении того, на каких принципах будет организована новая система казачьей службы. И выбор был вновь сделан в пользу «поголовности» как наиболее отвечающей духу, планируемого общеимперского военного устава. Разработка основных документов, регламентирующих донскую казачью службу, проходила уже при новом начальнике Главного управления иррегулярных войск, генерале А.П. Богуславском (с 1871 г.). Н.И. Карлгоф, а чуть ранее и А.П. Чеботарев покинули свои посты по собственному желанию. О борьбе мнений на Дону в ходе подготовки крестьянской реформы можно получить представление из работы донского историка А.Ю. Перетьяко, специально изучавшего этот вопрос (Peretyatko, 2016). Нам же важна позиция Милютина, озвученная им на Секретных совещаниях (1873 г.) и заседаниях Государственного совета, посвященных, в том числе, обсуждению и окончательному утверждению упомянутых «Положения» и «Устава». Отголосок непростых дискуссий по этому поводу, содержится в дневниковых записях Милютина. Но они не отличаются подробностями. Поэтому для иллюстрации милютинской позиции обратимся к ставшей почти хрестоматийной объяснительной записке Военного министерства, подписанной им же, на замечания министра внутренних дел А.Е. Тимашева в адрес предстоящей казачьей реформы. Претензии руководителя МВД сводились к следующему: 1) «Казаки пользуются громадными привилегиями, сравнительно с остальным населением империи. Если привилегии эти имели некоторое основание в прежнее время, когда одно казачье население было обязано всеобщей воинской повинностью, то в настоящее время, когда таковые же повинности распространены на все население империи, вышеозначенные привилегии не должны иметь места; 2) Новое положение о воинской повинности Донского войска предоставляет казакам гораздо больше выгод... сравнительно с общим Уставом о воинской повинности, и делает из казаков двояко привилегированное сословие» (РГВИА, 1875: 1). Вся система доказательств несостоятельности мнения МВД, принятая в записке, строилась вокруг воображаемого «предположения, что все особенности казачьих войск уничтожены и на казачье население распространены общие законы» и ... что выиграло бы Государство от такой перемены» (РГВИА, 1875: 1). Для большей убедительности в записке приводятся обширные статистические данные, на основании которых делался вывод о том, что стоимость возможного перевода Донского войска в разряд обыкновенного гражданского населения в несколько раз меньше затрат государства на организацию кавалерийских частей в количестве, сопоставимом с казачьими от Донского войска. В итоге, составители записки приходили к заключению, что «если же казаки и могут быть названы привилегированным сословием, то привилегия их заключается в том, что они стоят в первом ряду Государевых слуг, что на плечах их лежит такое государственное тягло, которое может нести только крепкое духом и энергическое население» (РГВИА, 1875: 6-60б.).

На первый взгляд, кажется, что поездки Милютина на Дон не прошли даром, если он одобрил такую записку. Но последние слова вряд ли следует рассматривать как признание Милютиним особого статуса казачества. Во-первых, они обращены конкретно к А.Е. Тимашеву и имеют вполне прагматическую цель - опровергнуть его утверждение о том, что казаки «двояко привилегированное сословие». Во-вторых, допуская оговорку «если», составители записки, а соответственно и Милютин, очевидно, расценивают непривилегированное состояние казачества как нормальное, главное отличие которого от других слоев населения, заключается лишь в более тяжелых условиях отбывания воинской повинности. Хотя конечно, нельзя не отметить и определённую эволюцию во взглядах

Милютин, по крайней мере, в отношении вопроса об экономической выгоде казачества для государства.

Практически параллельно с обсуждением казачьей военной реформы в Государственном совете слушался проект об образовании Таганрогской губернии. Согласно проекту, который возник по инициативе все того же Тимашева, планировалось для новой губернии отделить от Донской области Миусский округ с двумя станицами. «Я должен был отстаивать донских казаков и опровергать предложение МВД» – писал Милютин в дневнике в конце марта 1875 года (*Дневник, 1947: 183*). Ему это вполне удалось и «безобразной губернии» (милютинское выражение) не суждено было состояться. С этого момента в дневниках Милютина казачьи вопросы практически не поднимаются. Конечно, это не означает, что он как министр не принимал участие в решении текущих казачьих дел. Среди них заметно выделяются – организация земских учреждений среди донских казаков (1876–1882), перевод казачьих войск на донскую систему отбывания службы, протесты уральских казаков 1874–1877 гг., участие казачества в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и пр. Однако мы ограничимся простым перечислением этих дел, оставив их изучение на перспективу.

5. Заключение

В июне 1882 г. бывший оппонент Милютина и убежденный противник его политики в отношении войска Донского кн. А.М. Дондуков-Корсаков решил написать небольшое предисловие к своей, ставшей довольно известной в последствии, «Записке о войске Донском» 1861 года. Собственно из-за этой записки, адресованной, прежде всего, императору, но прочтенной Милютиним, карьера князя пережила небольшую паузу, правда, затем снова устремилась вверх. Записка содержала только намек на критику, в основном же в ней излагался некий альтернативный план развития донского казачества. Так вот, в своем предисловии Дондуков-Корсаков действия милютинского Военного министерства в отношении казачества охарактеризовал как «утопические», которые «не явно, но косвенно подрывали начала казачества в России» и рождали «недоразумения и даже волнения между казаками». Однако теперь, по мнению Дондукова-Корсакова, Милютин «честно и добросовестно... сознает неправильность своего взгляда на казачество» (*РГИА, 1882: 1-10б.*). Какие основания имелись у Дондукова-Корсакова для таких оценок и утверждений это вопрос, который еще следует изучить. По крайней мере, в воспоминаниях и дневниках министра нет прямых свидетельств его «осознания неправильности». Неоднократные заявления Милютина о том, что казаки через некоторое время все-таки верно поняли происходящие изменения, скорее, следует отнести к удовлетворению его самолюбия.

На наш взгляд, Милютин был строго последователен в своей казачьей политике вплоть до своей отставки. Во многом она была обусловлена опытом Кавказского этапа его жизни, в том числе, приобретенными симпатиями и антипатиями к разным казачьим войскам. Однако вне зависимости от своих чувств к казакам Милютин четко исповедовал инструменталистский подход к их оценке и использованию в имперской практике. Этот подход подразумевал игнорирование истории, традиции, былых заслуг казачества, если необходимо было эффективно, с точки зрения Милютина, решить актуальные государственные задачи во внешней и внутренней политике. Именно в таком ключе следует понимать и четко просматриваемую эволюцию милютинского взгляда на экономическую сторону жизнедеятельности казачества, и выбор Военным министерством в 1870-х гг. донской, а не новоявленной оренбургской системы военной службы. Не столько подсчеты, сколько необходимость продвинуть военные преобразования среди казачества заставило Милютина согласиться с тем, что казачьи войска выгодны государству в финансовом отношении. Не донские казаки были убедительными для министра в их отстаивании своего традиционного порядка службы, а просто принцип поголовности не противоречил главной реформе Милютина - всеобщей воинской повинности.

6. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-01-50018.

Литература

- Барилко, 1912* - Барилко И.Г. Из воспоминаний. Ставрополь, 1912.
- Берже, 1904* - Берже А. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Тифлис, 1904. Т.12.
- Волвенко, 2014* - Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи "Великих реформ" (1860-1870-е годы). Часть 2. //Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3-2. С. 382-391.
- Волвенко, 2015* - Волвенко А.А. Казакоманство. Донской случай (1860-е гг.). Часть I. // Русская старина. 2015. № 1 (13). С. 19-37.
- Воспоминания, 1919* - Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Т.1. Книга 1, 2, 3. Томск, 1919.
- Воспоминания, 1997* - Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1816-1843. М., 1997.

- [Воспоминания, 1999](#) - Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютин. 1860-1862. М., 1999
- [Воспоминания, 2003](#) - Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютин. 1863-1864. М., 2003.
- [Воспоминания, 2004](#) - Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютин. 1856-1860. М., 2004.
- [Воспоминания, 2005](#) - Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютин. 1865-1867. М., 2005.
- [Воспоминания, 2006](#) - Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютин. 1868-начало 1873. М., 2006.
- [Дневник, 1947](#) - Дневник Д.А. Милютин. 1873-1875. М., 1947. Т.1.
- [Зиссерман, 1890](#) - *Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815-1879. М., 1890. Т.2.
- [Короленко, 1911](#) - *Короленко П.П.* Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация на Западном Кавказе // Кубанский сборник. Т.16. Екатеринодар, 1911.
- [Краснов, 1861](#) - *Краснов И.* Донцы на Кавказе // Военный сборник, 1861. №9.
- [Кренке, 1872](#) - *Кренке В.Д.* Первые годы интендантства в петербургском военном округе. 1864 – 1867 // Русская старина. 1872. №37.
- [Осада Кавказа, 2000](#) - Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000.
- [ПСЗ, 1871](#) - ПСЗ 2-е собр. СПб., 1871. Т. XLII. №44787.
- [Столетие, 1902](#) - Столетие Военного министерства 1802-1902. Главное управление казачьих войск. Исторический очерк. СПб., 1902. Т.11. Ч.1.
- [Феоктистов, 1991](#) - *Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы (1848-1896). М., 1991.
- [ГАСК, 1862](#) - Государственный архив Ставропольского края. ГАСК. Ф.377. Оп.1. Д.12. Работы в разных комитетах. 1862.
- [ОР РГБ, 1840](#) - Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. ОР РГБ. Ф.169. Кар.18. Ед. хр. 16. Замечания на проект ген-майора Халанского о преобразовании всей Кавказской области в казачье войско. 1840.
- [ОР РГБ, 1866](#) - ОР РГБ. Ф.169. Карт. 23. Ед. хр. 20. Соображения... Комитета о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках. 1866.
- [ОР РГБ, 1867](#) - ОР РГБ. Ф.169. Карт. 23. Ед. хр.19. Представления Н.И. Карлгофа к Д.А. Милютину. 1867.
- [РГВИА, 1863](#) - Российский государственный военно-исторический архив. РГВИА. Ф.330. Оп.1. Д.47. Замечания различных ведомств на проекты положений казачьих войск. 1863.
- [РГВИА, 1864](#) - РГВИА. Ф.330. Оп.8. Д.7. По рапорту войскового наказного атамана с проектом нового положения о сем войске. 1864.
- [РГВИА, 1865](#) - РГВИА. Ф.330. Оп.1. Д.8. По рапорту командира Отдельного Сибирского корпуса с проектом положения о Сибирском казачьем войске. 1865.
- [РГВИА, 1865\(а\)](#) - РГВИА. Ф.330. Оп.1. Д.24. Проект положения о Забайкальском казачьем войске. 1865 (а).
- [РГВИА, 1866](#) - РГВИА. Ф.330. Оп.10. д.657. О неодобрительном отзыве Главнокомандующего войсками Варшавского округа о казачьих войсках. 1866.
- [РГВИА, 1875](#) - РГВИА. Ф.330. Оп.61. Д.1938. Объяснение по поводу сделанных МВД замечаний на проект Положения о воинской повинности Донского войска. 1875.
- [РГИА, 1882](#) - Российский государственный исторический архив. РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.115. Записка о войске Донском кн. А.М. Дондукова-Корсакова. 1882.
- [Peretyatko, 2016](#) - *Peretyatko A.Y.* The dark side of the Emancipation Reform of 1861 on the Don region: the history of the resettlement of one of the peasant community according the material of atamanskaya kontselyariya // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 39, Is. 1, pp. 137-145.

References

- [Barilko, 1912](#) - *Barilko I.G.* Iz vospominanij [From memoirs]. Stavropol', 1912. [in Russian].
- [Berzhe, 1904](#) - *Berzhe A.* Akty, sobrannye Kavkazskoj Arheograficheskoj komissiej [The acts collected by the Caucasian Arkheograficheskoy commission]. Tiflis, 1904. Т.12. [in Russian].
- [Volvenko, 2014](#) - *Volvenko A.A.* Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoj politike jepohi "Velikih reform" (1860-1870-e gody) Chast' 2. [The Don Cossacks in government policy of an era of "Great reforms" (the 1860-1870th years). Part 2.]. // *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. 2014. Т. 16. № 3-2. S. 382-391. [in Russian].
- [Volvenko, 2015](#) - *Volvenko A.A.* Kazakomanstvo. Donskoj sluchaj (1860-e gg.). Chast' I. [Kazakomanstvo. Donskoy case (the 1860th). Part I.] // *Russkaja starina*. 2015. № 1 (13). S. 19-37. [in Russian].

- [Vospominanija, 1919](#) - Vospominanija general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. T.1. Kniga 1, 2, 3. [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin. T.1. Book 1,2,3.] Tomsk, 1919. [in Russian].
- [Vospominanija, 1997](#) - Vospominanija general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. 1816-1843. [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin] M., 1997. [in Russian].
- [Vospominanija, 1999](#) - Vospominanija general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin] 1860-1862. M., 1999. [in Russian].
- [Vospominanija, 2003](#) - Vospominanija general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin] 1863-1864. M., 2003. [in Russian].
- [Vospominanija, 2004](#) - Vospominanija general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin] 1856-1860. M., 2004. [in Russian].
- [Vospominanija, 2005](#) - Vospominanija general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin] 1865-1867. M., 2005. [in Russian].
- [Vospominanija, 2006](#) - Vospominanija general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin] 1868-nachalo 1873. M., 2006. [in Russian].
- [Dnevnik, 1947](#) - Dnevnik D.A. Miljutina. [D. A. Milyutin's Diary.] 1873-1875. M., 1947. T.1. [in Russian].
- [Zisserman, 1890](#) - *Zisserman A.L.* Fel'dmarshal knjaz' Aleksandr Ivanovich Barjatinskij. [Field marshal prince Alexander Ivanovich Baryatinsky] 1815-1879. M., 1890. T.2. [in Russian].
- [Korolenko, 1911](#) - *Korolenko P.P.* Pereselenie kazakov za Kuban'. Russkaja kolonizacija na Zapadnom Kavkaze [Resettlement of Cossacks for Kuban. The Russian colonization on Western Caucasus] // Kubanskij sbornik. T.16. Ekaterinodar, 1911. [in Russian].
- [Krasnov, 1861](#) - *Krasnov I.* Doney na Kavkaze [Dontsa in the Caucasus] // Voennyj sbornik, 1861. №9. [in Russian].
- [Krenke, 1872](#) - *Krenke V.D.* Pervye gody intendantstva v peterburgskom voennom okruge. [The first years of an intendantstvo in the St. Petersburg military district.] 1864 – 1867 // Russkaja starina. 1872. №37. [in Russian].
- [Osada Kavkaza, 2000](#) - Osada Kavkaza. Vospominanija uchastnikov Kavkazskoj vojny XIX veka. [the Siege of the Caucasus. Memoirs of participants of the Caucasian war of the 19th century.] SPb., 2000. [in Russian].
- [PSZ, 1871](#) - PSZ 2-e sobr. SPb., 1871. T.XLII. №44787. [in Russian].
- [Stoletie, 1902](#) - Stoletie Voennogo ministerstva 1802-1902. Glavnoe upravlenie kazach'ih vojsk. Istoricheskij ocherk. [Century of the Ministry of Defence of 1802-1902. Head department of the Cossack troops. Historical sketch.] SPb., 1902. T.11. Ch.1. [in Russian].
- [Feoktistov, 1991](#) - *Feoktistov E.M.* Za kulisami politiki i literatury (1848-1896) [Behind the scenes of policy and literature (1848-1896)]. M., 1991. [in Russian].
- [GASK, 1862](#) - Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja [State archive of Stavropol Krai]. GASK. F.377. Op.1. D.12. Raboty v raznyh komitetah [Works in different committees.]. 1862.
- [OR RGB, 1840](#) - Otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki [Department of manuscripts of the Russian state library]. OR RGB. F.169.Kar.18. Ed. hr. 16. Zamechanija na proekt gen-majora Halanskogo o preobrazovanii vsej Kavkazskoj oblasti v kazach'e vojsko [Remarks on the project Halansky's gene major about transformation of all Caucasian area to the Cossack army]. 1840.
- [OR RGB, 1866](#) - OR RGB. F.169. Kart. 23. Ed. hr. 20. Soobrazhenija... Komiteta o glavnyh nachalah, kotorye dolzhny byt' prinjaty v rukovodstvo pri sostavlenii novyh polozhenij o kazach'ih vojskah [Reasons ... Committee about the main beginnings which have to be accepted in the management by drawing up new regulations on the Cossack troops]. 1866.
- [OR RGB, 1867](#) - OR RGB. F.169. Kart. 23. Ed. hr.19. Predstavlenija N.I. Karlgofo k D.A. Miljutinu [N. I. Karlhof's representations to D. A. Milyutin]. 1867.
- [RGVIA, 1863](#) - Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian state military and historical archive]. RGVIA. F.330. Op.1. D.47. Zamechanija razlichnyh vedomstv na proekty polozhenij kazach'ih vojsk [Comments of various departments on drafts of provisions of the Cossack troops]. 1863.
- [RGVIA, 1864](#) - RGVIA. F.330. Op.8. D.7. Po raportu vojskovogo nakaznogo atamana s proektom novogo polozhenija o sem vojske [According to the official report of the army nakazny ataman with the draft of the new provision on this army]. 1864.
- [RGVIA, 1865](#) - RGVIA. F.330. Op.1. D.8. Po raportu komandira Otdel'nogo Sibirskogo korpusa s proektom polozhenija o Sibirskom kazach'em vojske [According to the official report of the commander of the Separate Siberian case with the draft of the provision on the Siberian Cossack army]. 1865.
- [RGVIA, 1865\(a\)](#) - RGVIA. F.330. Op.1. D.24. Proekt polozhenija o Zabajkal'skom kazach'em vojske [The draft of the provision about Zabajkalsk the Cossack army]. 1865 (a).

[RGVIA, 1866](#) - RGVIA. F.330. Op.10. d.657. O neodobritel'nom otzyve Glavnokomandujushhego vojskami Varshavskogo okruga o kazach'ih vojskakh [About a disapproving review of the Commander-in-chief of troops of the Warsaw district of the Cossack troops]. 1866.

[RGVIA, 1875](#) - RGVIA. F.330. Op.61. D.1938. Ob#jasnenie po povodu sdelannyh MVD zamechanij na proekt Polozhenija o voinskoj povinnosti Donskogo vojska [An explanation concerning the remarks made the Ministry of Internal Affairs on the draft of the Provision on a compulsory military service of the Don army]. 1875.

[RGIA, 1882](#) - Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian state historical archive]. RGIA. F.932. Op.1. D.115. Zapiska o vojske Donskom kn. A.M. Dondukova-Korsakova [A note about army Donskoy book of A.M. Dondukov-Korsakov]. 1882.

[Peretyatko, 2016](#) - *Peretyatko A.Y.* The dark side of the Emancipation Reform of 1861 on the Don region: the history of the resettlement of one of the peasant community according the material of atamanskaya kontselyariya // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 39, Is. 1, pp. 137-145.

УДК 94

Д.А. Милютин и казачество

Алексей Александрович Волвенко ^{a, *}

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Таганрог, Российская Федерация

Аннотация. В статье изучаются различные аспекты личного отношения военного министра Д.А. Милютина к казачеству и казачьим войскам в 1840–1870-х годах. Исследование основано на анализе документов личного происхождения Д.А. Милютина, а также архивных данных периода от Кавказской войны до «Великих реформ» 1860–1870-х гг. включительно. Рассматривается роль Милютина в работе по критике, а также подготовке различных проектов колонизации Кавказа за счет или при активном участии казачества. Дается характеристика планов Военного министерства по преобразованию казачьих войск в 1860–1870-х гг. Показан процесс их реализации с точки зрения их восприятия лично министром Д.А. Милютиным.

Ключевые слова: Д.А. Милютин, казачество, казацьи войска, воспоминания, реформы.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: avolvenko@mail.ru (А.А. Волвенко)